

1001 ночь.

Сказка о Хасане басрийском

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 778-786](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 787-795](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 796-804](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 805-813](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 814-822](#)

[Сказка о Хасане басрийском, ночи 823-831](#)

Семьсот девяносто шестая ночь

Когда же настала семьсот девяносто шестая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Ситт-Зубейда взяла у матери Хасана ключ и отдала его Масруру и сказала: "Возьми этот ключ, отпори такую-то кладовую, вынеси оттуда сундук, взломай его, вынь одежду из перьев, которая в нем лежит, и принеси ее мне". И Масрур отвечал: "Внимание и повиновение!" – и взял ключ из рук Ситт-Зубейды и отправился. И старуха тоже вышла, с плачущими глазами, и раскаивалась, что послушалась женщины и пошла с ней в баню, а женщина и потребовала бани только из хитрости. И старуха вошла с Масруром и открыла дверь в кладовую, и Масрур вошел и вынес сундук и вынул оттуда рубашку из перьев и, завернув ее в платок, принес ее к Ситт-Зубейде. И она взяла одежду и стала ее поворачивать, дивясь, как она хорошо сделана.

А потом она подала ее жене Хасана и спросила: "Это ли твоя одежда из перьев?" – "Да, о госпожа", – ответила женщина и протянула руку и взяла одежду, радуясь, и потом она осмотрела ее и увидела, что она в целости, такая же, какою была на ней, и из нее не пропало ни одного перышка. И она обрадовалась и поднялась, оставив Ситт-Зубейду, и взяла рубашку и развернула ее и взяла своих детей в объятия и завернулась в одежду и стала птицей по могуществу Аллаха, великого славного. И Ситт-Зубейда удивилась этому, как и все, кто присутствовал, и все дивились тому, что делает жена Хасана. А молодая женщина стала раскачиваться и прошлась и поплясала и поиграла, и присутствующие устали на нее, удивленные ее поступками, а потом она сказала им на ясном языке: "О господи, это прекрасно?" – "Да, о владычица красавиц, все, что ты сделала, – прекрасно", – ответили присутствующие. И она сказала: "А то, что я сделаю, – еще лучше, о господи!"

И она в тот же час и минуту распахнула крылья и полетела со своими детьми и оказалась под куполом дворца и встала на крышу комнаты. И присутствующие смотрели на нее во все глаза и говорили: "Клянемся Аллахом, поистине это искусство дивное и прекрасное, которого мы никогда не видели!" А женщина, когда ей захотелось улететь в свою страну, вспомнила Хасана и сказала: "Слушайте, о господи мои, – и произнесла такие стихи:

О, кто оставил край наш и уехал

К любимым, и спешил он, убегая!

Ужель ты думал, что с вами мне прекрасно

И жизнь у вас от горестей свободна?

Как попала в плен и запуталась я в сетях любви,

Мне любовь тюрьма, и место мое – далеко,

Как одежду спрятал, уверился и подумал он,

Что не клянусь его перед единым.

И беречь ее он наказывал своей матери

В кладовой своей, и жесток он был и злобен.

И услышала разговор я их и запомнила,

И ждала я благ и великих и обильных,

И пошла я в баню, и было это способом,

И все умы красой моей смутились.

И жена Рашида дивилась тоже красе моей,

И справа осмотрев меня и слева.

Я крикнула: "Жена халифа, у меня

Одежда есть роскошная из перьев.

Будь на мне она, ты увидела бы диковины,

Что стирают горе и гонят прочь печали".

И жена халифа меня спросила: "Где она?"

И ответила я: "В доме моем прежнем".

И Масрур пошел и принес одежду пернатую,

И вдруг она сиянья все затмила.

И взяла ее я из рук его и увидела,

Что и пуговики и сама она в порядке.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И закуталась я в одежду, взяв сыновей с собой,

Развернула крылья и быстро полетела.

О мужа мать, когда придет, скажи ему

"Если пас он любит, расстанется пусть с домом".

А когда она окончила свои стихи, Ситт–Зубейда сказала ей: "Не опустишься ли ты к нам, чтобы мы насладились твоей красотой, о владычица красавиц. Хвала тому, кто дал тебе красоту и красноречие". Но жена Хасана воскликнула: "Не бывать тому, чтобы вернулось минувшее, – и потом сказала матери Хасана, бедного и печального: – Клянусь Аллахом, о госпожа, о Умм–Хасан, ты заставишь меня тосковать. Когда придет Хасан и продлятся над ним дни разлуки и захочет он близости и встречи и потрясут его ветры любви и томления, пусть он придет ко мне на острова Вак!"

И потом она улетела со своими детьми и направилась в свою страну. И когда мать Хасана увидела это, она заплакала и стала бить себя по лицу и так рыдала, что упала без памяти. А когда она очнулась, Ситт–Зубейда сказала ей: "О госпожа моя паломница, я не знала, что это случится, и если бы ты мне о ней рассказала, я бы тебе не противилась. Я узнала, что она из летающих джиннов только сейчас, и знай я, что она такого рода, я бы не дала ей надеть одежду и не позволила бы ей взять детей. Но освободи меня от ответственности, о госпожа!" И старуха сказала (а она не нашла в руках хитрости): "Ты не ответственна!" – и вышла из халифского дворца и шла до тех пор, пока не вошла в свой дом.

И она стала так бить себя по лицу, что ее покрыло беспамятство, а очнувшись от забытья, она начала тосковать по женщине и ее детям, и ей захотелось увидеть своего сына, и она произнесла такие стихи:

"В разлуки день уход ваш вызвал слезы

От горя, что из мест родных ушли вы.

И крикнула от мук любви я с горестью

(А слезы плача разъели мне ланиты):

"Вот расстались мы, но будет ли возвращение?"

Разлука уничтожила всю скрытность!

О, если бы вернулись они к верности!

Коль они вернутся, вернется время счастья".

И потом она поднялась и вырыла в доме три могилы и сидела над ними, плача, в часы ночи и части дня, а когда продлилось отсутствие ее сына и увеличилась ее тревога, тоска и печаль, она произнесла такие стихи:

"Твой призрак меж закрытых век я вижу,

В движенье и в покое тебя помню.

Любовь к тебе в костях моих так льется,

Как льется сок в плодах и гибких ветках.

В тот день, как нет тебя, мне грудь сжимает,

И скорбь мою прощает мне хулитель.

О ты, любовь к кому владеет мною

И от любви сильней мое безумье,

Побойся милостивого, будь кроток

В любви к тебе погибель я вкусила..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто седьмая ночь

Когда же настала семьсот девяносто седьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что мать Хасана стала плакать в часы ночи и части дня из–за разлуки со своим сыном и его женой и детьми, и пот то, что было с нею.

Что же касается до ее сына Хасана, то когда он приехал к девушкам, те стали его заклинать, чтобы он провел у них три месяца, а после этого они собрали для него денег и приготовили ему десять тюков – пять с золотом и пять с серебром, – и приготовили один тюк припасов и отправили его и выехали с ним. И Хасан стал заклинать их воротиться, и они начали обниматься на прощанье, и младшая девушка подошла к Хасану и обняла его и плакала, пока ее не покрыло беспамятство, а потом она произнесла такие два стиха:

"Угаснет когда огонь разлуки вблизи от вас,

И страсть успокою я, и будем мы вместе вновь?

Страшит меня день разлуки с вами я мучает,

Прощанье же лишь сильней, владыки, ослабило".

И подошла к нему вторая девушка и обняла его и сказала такие два стиха:

"Прощаться с тобою, – как с жизнью прощаться,

Тебя потерять–потерять всех друзей!

Отъезд твой мне душу огнем прожигает,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

А близость твоя – в ней скрывается рай!"

И подошла к нему третья девушка и обняла его и произнесла такие два стиха:

"Мы прощанье оставили в день разлуки

Не по лени, и нет дурной здесь причины,

Ты – мой дух ведь, поистине, несомненно,

Как мне с духом хотеть моим распрощаться?"

И подошла четвертая девушка и обняла его и произнесла такие два стиха:

"Заставляет плакать рассказ меня о разлуке с ним,

Рассказал его потихоньку мне при прощанье он,

Он – жемчуг тот, что доверила я ушам моим,

И я выпила в виде слез его из очей моих".

И потом подошла пятая девушка и обняла Хасана и произнесла такие два стиха:

"Не трогайся, – ведь без вас не будет мне стойкости,

Проститься чтоб я могла теперь с отъезжающим,

Терпения больше нет, чтоб встретить разлуку нам,

И слез уже нет, чтобы их пролить на кочевья след".

И потом подошла к нему шестая девушка и обняла его и сказала такие два стиха:

"Сказала я, как уехал караван их

(А страсть из тела мне вырывала душу):

"Когда бы был властелин со мною могучий,

Все корабли я б силой захватила".

И потом подошла седьмая девушка и обняла Хасана и сказала такие два стиха:

"Увидишь прощанье ты – будь стоек,

И пусть не страшит тебя разлука!

И жди возвращения ты вскоре

"Прощанье" прочти назад: "вернулись" [618].

И еще такие стихи:

"Я печалился, что расстался с вами и вы вдали,

Нет силы в сердце, чтоб проститься с вами мне,

Аллах лишь знает, что прощаться я не стал,

Боясь, что сердце мне растопит боль".

И Хасан простился с девушками и плакал, пока не лишился чувств по причине разлуки с ними, и потом он произнес такие стихи:

"В день разлуки струи из глаз моих потекли чредой.

Как жемчужины, – ожерелья их я из слез низал.

Ушел погонщик и их увел, и не мог найти

Я ни стойкости, ни терпения, ни души моей.

Я простился с ними, затем ушел с моей горестью,

И оставил я прежних встреч места и свой стан забыл.

И вернулся я, позабыв дорогу, и буду я

Лишь тогда спокоен, когда, вернувшись, увижу вас.

О Друг, к рассказам о любви прислушайся

Не годится сердцу не впясть тому, что скажу тебе.

О душа моя – коль рассталась с ними, расстанься же

С наслажденьем жизнью и вечности не желай себе".

И затем он ускорял ход ночью и днем, пока не прибыл в Багдад, Обитель Мира и святыню халифата Аббасидов, и не узнал о том, что случилось после его отъезда. И он вошел в дом и пришел к своей матери, чтобы ее приветствовать, и увидел, что ее тело похудело и кости

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

ее стали тонкими от великих рыданий, бессонницы, плача и стонов, так что она сделалась подобна зубочистке и не могла отвечать на слова. И Хасан отпустил верблюдов и подошел к своей матери и спросил ее про жену и детей, и старуха так заплакала, что ее покрыло беспмятство, и, увидав, что она в таком состоянии, Хасан стал ходить по дому и искать свою жену и детей, но не нашел и следа их.

И потом он посмотрел в кладовую и увидел, что она открыта и сундук открыт, и не нашел в нем одежды. И тогда он понял, что его жена завладела одеждой из перьев и взяла ее и улетела, взяв с собой своих детей. И он вернулся к своей матери и, увидев, что она очнулась от обморока, спросил ее, где его жена и дети, и старуха заплакала и воскликнула: "О дитя мое, да увеличит Аллах за них твою награду! Вот три их могилы!" И, услышав слова своей матери, Хасан вскрикнул великим криком и упал, покрытый беспмятством, и оставался в обмороке с начала дня до полудня. И прибавилось горя к горю его матери, и она потеряла надежду, что Хасан будет жить. А очнувшись, Хасан принялся плакать и бить себя по лицу и разорвал свою одежду и начал в смятении кружить по дому и произнес такие два стиха:

"Таю я к ним любовь, покуда можно,

Но пламя страсти все не потухает.

Кому разбавлен был огонь любовный?

Я пил любовь без примеси без всякой",

И еще:

"И до меня разлуки горесть знали,

Ее боялся и живой и мертвый,

Но то, что затаили мои ребра,

Я этого не видел и не слышал".

А окончив свои стихи, он взял меч и обнажил его и, придя к своей матери, сказал ей: "Если ты не осведомишь меня об истине в этом деле, я отрублю тебе голову и убью себя!" И его мать воскликнула: "О дитя мое, не делай этого! Я расскажу тебе. Вложи меч в ножны и садись, и я расскажу тебе, что случилось", – сказала она потом.

И когда Хасан вложил меч в ножны и сел с нею рядом, она повторила ему эту историю с начала до конца и сказала: "О дитя мое, если бы я не увидела, что она плачет и требует бани, и не побоялась, что ты приедешь и она тебе пожалуется и ты на меня рассердишься, я бы не пошла с ней в баню, и если бы Ситт–Зубейда не рассердилась на меня и не взяла от меня ключ силой, я бы не вынула одежду, даже если бы умерла. Но ты знаешь, о дитя мое, что нет руки, длинней руки халифа. И когда принесли одежду, твоя жена взяла ее и осмотрела, и она думала, что на ней чего–нибудь не хватает, но увидала, что с одеждой ничего не случилось. И тогда она обрадовалась и, взяв детей, привязала их к себе к поясу и надела одежду из перьев после того, как Ситт–Зубейда сняла для нее с себя все, что на ней было, в уваженье к ней и к ее красоте. А твоя жена, надев одежду из перьев, встряхнулась и превратилась в птицу и стала ходить по дворцу, и все на нее смотрели и дивились на ее красоту и прелесть, а потом она полетела и оказалась на верху дворца и посмотрела на меня и сказала: "Когда твой сын вернется и покажутся ему долгими ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть оставит родину и отправится на острова Вак". Вот что было с нею в твое отсутствие..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто восьмая ночь

Когда же настала семьсот девяносто восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, услышав слова своей матери, которая рассказала ему обо всем, что сделала его жена, Хасан вскрикнул великим криком и упал без чувств. И он остался лежать так до конца дня, а очнувшись, стал бить себя по лицу и извиваться на земле, точно змея, и мать его просидела подле него, плача, до полуночи. А Хасан, очнувшись после обморока, заплакал великим плачем, и произнес такие стихи:

"Постойте, взгляните на того, кого бросили:

Быть может, и сжалитесь вы после суровости.

Его не узнаете, увидев, вы, – так он хвор

Как будто, клянусь Аллахом, он не знаком был вам!

Поистине, он мертвец от страсти великой к вам,

Считался бы мертвым он, когда б не стонал порой.

Разлуку ничтожною считать вам не следует:

Влюбленным она горька, и легче им будет смерть".

А окончив свои стихи, он поднялся и стал кружить по дому, стеная, плача и рыдая, и делал так пять дней, не вкушая в это время ни пищи, ни питья. И его мать подошла к нему и стала брать с него клятвы и заклинять его, чтобы он умолк и перестал плакать, но Хасан не принимал ее слов и не переставая рыдал и плакал. И его мать утешала его, а он ничего не слушал, и потом он произнес такие стихи:

"О, так ли воздают за страсть к любимым,

Таков ли нрав газелей чернооких?

Пчелиный мед меж уст ее найдешь ты

Иль лавочку, где вина продаются?

Расскажите мне вы историю тех, кто в любви убит,

Печального утешит подражанье.

И главы своей не клони, стыдась, пред упреком ты,

Не первый ты средь умных очарован".

И Хасан все время плакал таким образом до утра, а потом его глаза заснули, и он увидел свою жену, печальную и плачущую. И он поднялся от сна, с криком, и произнес такие два стиха:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Твой призрак передо мной, на миг не уходит он,

И в сердце ему назначил лучшее место я,

Когда бы не надежда встречи, часа б не прожил я,

Когда б не видение во сне, не заснул бы я".

А когда наступило утро, его рыдания и плач усилились, и он все время был с плачущим оком и печальным сердцем, и не спал ночей и мало ел. И он провел таким образом целый месяц. И когда этот месяц миновал, ему пришло на ум поехать к своим сестрам, чтобы они помогли ему в его намерении разыскать жену, и он призвал верблюдов и нагрузил пятьдесят верблюдиц иракскими редкостями, и сел на одного из них, поручив своей матери заботиться о доме, и все свои вещи он отдал на хранение, кроме немногих, которые он оставил в доме.

И затем он поехал и направился к своим сестрам, надеясь, что, может быть, найдет у них помощь, чтобы соединиться со своей женой, и ехал до тех пор, пока не достиг дворца девушек на Горе Облаков. И он вошел к ним и предложил им подарки, и девушки обрадовались им и поздравили Хасана с благополучием и спросили его: "О браг наш, почему ты поспешил приехать? Ведь ты отсутствовал не больше двух месяцев". И Хасан заплакав и произнес такие стихи:

"Я вижу, душа скорбит, утратив любимого,

И жизнь с ее благами ей больше не радостна.

Недуги мои – болезнь, лекарства которой нет.

А может ли исцелить больного не врач его

О сладость, отнявшая дремоту, оставив нас,

Расспрашивал ветер я о вас, когда веял он.

Недавно ведь с милою он был, а краса ее

Так дивна, что из очей не слезы бегут, а кровь.

О путник, в земле ее на время прервавший путь

Быть может, нам оживит сердца ветерок ее".

А окончив свои стихи, он вскрикнул великим криком и упал без памяти, и девушки сидели вокруг него, плача, пока он не очнулся от обморока, а очнувшись, он произнес такие два стиха:

"Надеюсь, что, может быть, судьба повернется

И милого приведет, – изменчиво время.

Примет мне на помощь рок, желанья свершит мои,

И после минувших дел случатся другие".

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспмятство, а очнувшись, он произнес такие два стиха:

"Аллахом клянусь, предел недугов и горестей,

Довольна ли ты? В любви, клянусь, я доволен!

Покинешь ли без вины меня и проступка ты?

Приди же и пожалей былой ты разлуки".

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспмятство, а очнувшись, он произнес такие стихи:

"Покинул нас сон, и сблизилось с нами бденье,

И щедро глаз хранимые льет слезы.

И от страсти плачет слезами, точно кораллы, он,

Чем дальше, тем все больше и обильней.

Привела тоска, о влюбленные, огонь ко мне:

Меж ребрами моими он пылает.

Как тебя я вспомню, так с каждою слезинкою

Из глаз струятся молнии и громы".

А окончив свои стихи, он так заплакал, что его покрыло беспмятство, а очнувшись от обморока, произнес такие стихи:

"В любви и страданиях вы верны, как верны мы?

И разве так любите вы нас, как мы любим вас?

О, если б убил Аллах любовь – как горька она!

Узнать бы мне, что любовь желает от нас теперь.

Прекрасный ваш лик, хоть вы далеко от нас теперь,

Стоит перед взорами, где б ни были вы, всегда,

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Душа моя занята лишь мыслью о страсти к вам,

И радует голубя нас крик, когда стонет он.

О голубь, что милую все время к себе зовет,

Тоски ты прибавил мне и вместе со мной грустишь.

Заставил глаза мои ты плакать без устали

О тех, кто ушел от нас, кого уже не видим мы.

Влечет меня всякий миг и час к удалившимся.

А ночью тоскую и по ним, как придет она".

И когда сестра Хасана услышала его слова, она вышла к нему и увидела, что он лежит, покрытый беспамятством, и стала кричать и бить себя по лицу, и услышали это ее сестры и вышли и увидели, что Хасан лежит покрытый беспамятством, и окружили его и заплакали о нем. И не скрылось от них, когда они его увидели, какая его охватила любовь, влюбленность, тоска и страсть. И они спросили Хасана, что с ним. И Хасан заплакал и рассказал им, что случилось в его отсутствие, когда его жена улетела и взяла с собой своих детей. И девушки опечалились и спросили, что она говорила, улетая, и Хасан ответил: "О сестрицы, она сказала моей матушке: "Скажи моему сыну, когда он придет и покажутся ему долгими ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть придет ко мне на острова Вак".

И, услышав слова Хасана, девушки стали перемигиваться и задумались, и каждая из них взглядывала на своих сестер, а Хасан глядел на них, затем они склонили на некоторое время головы к земле и, подняв их, воскликнули: "Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, высокого, великого! – и сказали Хасану: – Протяни руку к небу: если достанешь до неба, то достанешь свою жену..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Семьсот девяносто девятая ночь

Когда же настала семьсот девяносто девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда девушки сказали Хасану: "Протяни руку к небу: если достанешь до него, то достанешь и свою жену и детей", слезы потекли по его щекам, как дождь, так что замочили ему одежду, а он произнес такие стихи:

"Волнуют меня ланиты алые и глаза,

И стойкость уходит, как приходит бессонница.

О нежные, белые! Суровостью губите

Вы тело, и духа в нем уж больше не увидеть.

Газелям подобные по гибкости, гурии,

Красу их коль видели б святые – влюбились бы,

Гуляют, как ветерок, они в саду утренний,

В любви к ним я поражен тревогой и горестью.

С одной из красавиц тех мечты я свои связал,

И сердце мое огнем пылает из–за нее.

О юная, нежная и гибкая членами!

Лицо ее утро нам несет, ее кудри – мрак.

Волнует она меня, и сколько богатырей

Щеками взволновано красавиц и взорами".

А окончив свои стихи, он заплакал, и девушки заплакали из–за его плача, и охватила их жалость к нему и ревность, и начали они его уговаривать и внушать ему терпение, обещая ему близость к любимым. И сестра его подошла к нему и сказала: "О брат мой, успокой свою душу и прохлади глаза! Потерпи и достигнешь желаемого, ибо кто терпит и не спешит, получает то, что хочет, и терпение – ключ к облегчению. Поэт сказал:

Оставь же бежать судьбу в поводах ослабленных

И ночь проводи всегда с душою свободной.

Пока ты глаза смежишь и снова откроешь их,

Изменит уже Аллах твое положенье".

И потом она сказала ему: "Ободри твое сердце и укрепи волю, – сын десяти лет не умрет девяти лет, а плач, горе и печаль делают больным и недужным. Поживи у нас, пока не отдохнешь, а я придумаю тебе хитрость, чтобы добраться до твоей жены и детей, если захочет Аллах великий". И Хасан заплакал сильным плачем и произнес такие стихи:

"Поправлюсь от болезни я телесной,

От боли в сердце нету исцеленья.

Одно лекарство от любви болезней:

То близость любящего и любимой".

И потом он сел рядом со своей сестрой, и она стала с ним разговаривать и утешать его и спрашивать, что было причиной ухода его жены, и

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Хасан рассказал ей о причине этого, и она воскликнула: "Клянусь Аллахом, о брат мой, я хотела сказать тебе: "Сожги одежду из перьев!" Но сатана заставил меня забыть об этом". И она стала беседовать с Хасаном и уговаривать его, и когда все это продлилось и увеличилась его тревога, он произнес такие стихи:

"Владеет моей душой возлюбленная моя,

И все, что судил Аллах, ничем отвратить нельзя.

Арабов всю красоту она собрала в себе,

Газель, и в моей душе резвится она теперь.

Мне тяжело терпеть любовь, и хитрости больше нет,

И плачу я, хотя плач мне пользы и не дает.

Красавица! Ей семь лет да семь: как луна она,

Которой четыре дня и пять и еще пять дней".

И когда сестра Хасана увидела, какова его любовь и страсть и как он мучается от волнения и увлечения, она пошла к сестрам, с плачущими глазами и опечаленным сердцем, и заплакала перед ними и бросилась к ним и стала целовать им ноги и просить их, чтобы они помогли ее брату достичь своих желаний и соединиться с детьми и женой и дали обещание придумать для него способ достигнуть островов Вак. И она до тех пор плакала перед сестрами, пока не заставила их заплакать, и они сказали ей: "Успокой твоё сердце! Мы постараемся свести его с его – семьей, если захочет Аллах великий".

И Хасан провел у девушек целый год, и глаз его не переставал лить слезы.

А у девушек был дядя, брат их отца и матери, и звали его Абд-аль-Каддус. Он любил старшую девушку сильной любовью и каждый год посещал ее один раз и исполнял все ее прихоти. И девушки рассказали ему историю Хасана и что случилось у него с магом и как он сумел его убить. И их дядя обрадовался этому и дал старшей девушке мешочек с куреньями и сказал: "О дочь моего брата, когда что-нибудь тебя озаботит и постигнет тебя нехорошее или случится у тебя надобность в чем-то, брось эти куренья в огонь и назови меня: я быстро к тебе явлюсь и исполню твоё дело".

А этот разговор был в первый день года. И старшая девушка сказала одной из своих сестер: "Год прошел полностью, а дядя не явился. Пойди ударь по кремню и принеси мне коробочку с куреньями". И девушка пошла, радуясь, и принесла коробочку с куреньями и, открыв ее, взяла из нее немножко и протянула сестре, а та взяла куренья и бросила их в огонь и назвала своего дядю. И курения еще не кончили дымиться, как уже поднялась пыль в глубине долины, и стал из-за нее виден старец, ехавший на слоне, который ревел под ним.

И когда девушка увидела старца, тот принялся им делать знаки ногами и руками, а через минуту он подъехал и сошел со слона и подошел к девушкам. И девушки обняли его и поцеловали ему руки и приветствовали его, и старец сел, и девушки начали с ним беседовать и расспрашивать его о причине его отсутствия. И Абд-аль-Каддус молвил: "Я сейчас сидел с женой вашего дяди и почуял Запах курений и явился к вам на этом слоне. Что ты хочешь, о дочь моего брата?" – "О дядюшка, мы стосковались по тебе, и год уже прошел, а у тебя не в обычае отсутствовать больше года", – ответила девушка. И старик сказал: "Я был занят и собирался приехать к вам завтра". И девушки поблагодарили его и пожелали ему блага и сидели с ним, разговаривая..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Ночь, дополняющая до восьмисот

Когда же настала ночь, дополняющая до восьмисот, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что девушки сидели и разговаривали со своим дядей, и старшая девушка сказала: "О дядюшка, мы рассказывали тебе историю Хасана басрийского, которого привел Бахраммаг, и как он его убил, и рассказывали о женщине, дочери царя величайшего, которую он захватил, и говорили тебе, какие он перенес тяжкие дела и ужасы, и как он поймал птицу – дочь царя – и женился на ней, и как он уехал с нею в свою страну". – "Да. Что же случилось с ним после этого?" – спросил старец. И девушка молвила: "Она обманула его, а ему досталось от нее двое сыновей, и она взяла их и улетела с ними в свою страну, когда Хасан отсутствовал, и сказала его матери: "Когда твой сын явится и продлятся над ним ночи разлуки, и захочет он близости со мной и встречи, и закачают его ветры любви и томления, пусть приходит ко мне на острова Вак".

И старец покачал головой и закусил палец, а потом он склонил голову к земле и принялся чертить на земле пальцем и оглянулся направо и налево и покачал головой, а Хасан смотрел на старца, спрятавшись от него. И девушки сказали своему дяде: "Дай нам ответ! Наши сердца разрываются". И Абд-аль-Каддус покачал головой и молвил: "О дочки, этот человек себя утомил и бросился в великие ужасы и страшные опасности – он не может приблизиться к островам Вак".

И тогда девушки позвали Хасана, и он вышел и подошел к шейху Абд-аль-Каддусу и поцеловал ему руку и приветствовал его, и старец обрадовался Хасану и посадил его рядом с собой, а девушки сказали своему дяде: "О дядюшка, объясни нашему брату сущность того, что ты сказал". И старец молвил: "О дитя мое, оставь эти великие мучения! Ты не сможешь достигнуть островов Вак, хотя бы были с тобой джинны летучие, так как между тобой и этими островами семь долин и семь морей и семь великих гор, и как ты можешь достигнуть этого места, и кто тебя туда приведет? Ради Аллаха, возвращайся поскорее и не утомляй себя".

И Хасан, услышав слова шейха Абд-аль-Каддуса, так заплакал, что его покрыло беспмятство. И девушки сидели вокруг него и плакали из-за его плеча, а что касается младшей девушки, то она разорвала на себе одежды и стала бить себя по лицу, и ее покрыло беспмятство. И когда шейх Абд-аль-Каддус увидел, что они в таком состоянии: взволнованы, огорчены и озабочены, он пожалел их, и его охватило сочувствие, и он крикнул им: "Замолчите! – А потом сказал Хасану: – Успокой своё сердце и радуйся исполнению своего желания, если захочет Аллах великий! О дитя мое, – сказал он потом, – поднимайся, соберись с силами и следуй за мной". И Хасан выпрямился и поднялся, простившись с девушками, и последовал за шейхом, радуясь исполнению своего желания.

А потом шейх Абд-аль-Каддус вызвал слона, и тот явился, и старец сел на него и посадил Хасана сзади и ехал три дня с их ночами, точно разящая молния, пока не подъехал к большой синей горе, в которой все камни были синие, а посредине этой горы была пещера с дверью из китайского железа. И шейх взял Хасана за руку и ссадил его, а потом он сошел сам и, отпустив слона, подошел к двери пещеры и постучался, и дверь распахнулась, и к нему вышел черный голый раб, подобный ифриту, и в правой руке у него был меч, а в другой – щит из стали. И, увидев шейха Абд-аль-Каддуса, он бросил меч и щит из рук и подошел к шейху Абд-аль-Каддусу и поцеловал ему руку, а потом шейх взял Хасана за руку, и они с ним вошли, а раб запер за ними дверь.

И Хасан увидал, что пещера большая и очень широкая и в ней есть сводчатый проход. И они прошли расстояние с милю, и их шаги привели их в большую пустыню, и они направились к столбу, в котором было две больших двери, вылитые из желтой меди. И шейх Абд-аль-Каддус открыл одну из этих дверей и вошел и закрыл дверь, сказав Хасану: "Посиди у этой двери и берегись открыть ее и войти, а я войду и скоро вернусь к тебе". И шейх вошел и отсутствовал в течение одного часа по звездам, а потом он вышел, и с ним был конь, оседланный и взнузданный, который, если бежал, – летел, а если летел, – его не настигала пыль.

И шейх подвел коня к Хасану и сказал ему: "Садись!" И потом он открыл вторую дверь, и через нее стала видна широкая пустыня. И Хасан сел на коня, и оба выехали через дверь и оказались в этой пустыне, и шейх сказал Хасану: "О дитя мое, возьми это письмо и поезжай на

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

этом коне в то место, куда он тебя приведет. И когда ты увидишь, что конь остановился у двери такой же пещеры, как эта, сойди с его спины, положи поводья на луку седла и отпусти его. Копь войдет в пещеру, а ты не входи с ним и стой у ворот пещеры в течение пяти дней, и не будь нетерпелив. И на шестой день выйдет к тебе черный старец в черной одежде, а борода у него белая длинная и спускается до пупка. И когда ты его увидишь, поцелуй ему руки, схватись за полу его платья, положи ее себе на голову и плачь перед ним, пока он тебя не пожалеет и не спросит, какая у тебя просьба. И когда он тебе скажет: "Что тебе нужно?" – дай ему это письмо. Он возьмет его и ничего тебе не скажет и войдет и оставит тебя, а ты стой на месте еще пять дней и не будь нетерпелив. И на шестой день жди старика – он к тебе выйдет. И если он выйдет к тебе сам, знай, что твоя просьба будет исполнена, а если выйдет к тебе кто–нибудь из его слуг, знай, что тот, кто вышел, хочет тебя убить, и конец.

И знай, о дитя мое, что всякий, кто подвергает себя опасности, губит себя..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот первая ночь

Когда же настала восемьсот первая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда шейх Абд–аль–Каддус отдал Хасану письмо, он осведомил его о том, что с ним произойдет, и сказал: "Всякий, кто подвергает себя опасности, губит себя, и если ты боишься за свою душу, не ввергай ее в погибель. А если ты не боишься, перед тобою то, что ты хочешь, и я изложил тебе дело. Если же ты хочешь поехать к твоим подругам, то этот слон отвезет тебя к дочерям моего дяди, а они доставят тебя в твою страну и воротят тебя на родину, и Аллах наделит тебя женою лучше, чем та женщина, в которую ты влюбился". – "А как может мне быть приятна жизнь без того, чтобы я достиг желаемого? – сказал Хасан шейху. – Клянусь Аллахом, я ни за что не вернусь, пока не достигну моей любимой, или порази г меня гибель". И потом он заплакал и произнес такие стихи:

"Утратив любимую – а страсть моя все сильнее,

Стою и кричу о пей, разбитый, униженный.

Я землю кочевья их целую в тоске по ним,

Но лишь усиление тоски мне дает она.

Аллах, сохрани ушедших – память о них в душе!

Я сблизился с муками, усладу оставил я.

Они говорят: "Терпи!" – но с нею уехали,

И вздохи в отъезда день они разожгли во мне.

Прощанье пугает лишь меня и слова ее:

"Уеду, так вспоминай и дружбу не позабудь".

К кому обращусь и чьей защиты просить теперь,

Как нет их? На них в беде и в счастье надеюсь я.

О горе! Вернулся я проститься опять с тобой,

И рады враги твои, что снова вернулся я,

О жалость! Вот этого всегда опасался я!

О страсть, разгорись сильнее, пылая в душе моей.

Когда нет возлюбленных, и жизни мне нет без них,

А если вернутся вновь, о радость, о счастье мне!

Аллахом клянусь я, слезы не разбегаются,

Коль плачу, утратив их, слеза за слезой текут".

И когда шейх Абд–аль–Каддус услышал слова Хасана и его стихи, он понял, что Хасан не отступится от желаемого и что слова на него не действуют, и убедился, что он непременно подвергнет себя опасности, хотя бы его душа погибла. "О дитя мое, – сказал он ему, – знай, что острова Вак – это семь островов, где есть большое войско, и все это войско состоит из невинных девушек. А обитатели внутренних островов – шайтаны, марида и колдуны, и там живут разные племена. И всякий, то вступит на их землю, не возвращается, и не было никогда, чтобы кто–нибудь дошел до них и вернулся. Заклинаю тебя Аллахом, возвращайся же поскорее к твоим родным и знай, что женщина, к которой ты направляешься, – дочь паря всех этих островов. Как же ты можешь добраться до нее? Послушайся меня, о дитя мое, и, может быть, Аллах заменит ее тебе кем–нибудь лучше". – "Клянусь Аллахом, о господин, – сказал Хасан, – если бы меня разрезали из–за нее на кусочки, только увеличилась бы моя любовь и волнение. Я непременно должен увидеть жену и детей и вернуться на острова Вак. И, если захочет Аллах великий, я вернусь только с нею и с моими детьми". – "Значит, ты неизбежно поедешь?" – спросил шейх Абд–аль–Каддус. И Хасан ответил: "Да, и я хочу от тебя только молитвы о поддержке и помощи. Быть может, Аллах скоро соединит меня с женой и детьми". И он заплакал от великой тоски и произнес такие стихи:

"Желание вы мое и лучшие из людей,

На место я зрения и слуха поставлю вас.

Владеете сердцем вы моим и живете в нем,

И после вас, господа, я впал в огорчение.

Не думайте, что от страсти к вам я уйти могу,

Любовь к вам повергнула беднягу в несчастье.

Вас нет, и исчезла радость. Только исчезли вы,

И стало все светлое печальным до крайности.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Оставили вы меня, чтоб в муках я звезды пас

И плакал слезами, точно дождь, вечно льющийся.

О ночь, ты длинна для тех, кто мучим тревогою

И в сильном волнении взирает на лик луны.

О ветер, промчишься коль над станом, где милые,

Привет мой снеси ты им – ведь жизнь не долга моя.

Скажите о муках тех, которые я стерпел,

Возлюбленные вестей не знают о нас теперь".

А окончив свои стихи, Хасан заплакал сильным плачем, так что его покрыло беспмятство. И когда он очнулся, шейх Абд-аль-Каддус сказал ему: "О дитя мое, у тебя есть мать, не заставляй же ее вкусить утрату". И Хасан сказал шейху: "Клянусь Аллахом, о господин, я не вернусь иначе как с моей женой, или меня поразит гибель". И потом он заплакал и зарыдал и произнес такие стихи:

"Любовью клянусь, что даль обет не меняет мой

И я не из тех, кто, дав обеты, обманет.

Когда б о тоске своей попробовал рассказать

Я людям, сказали бы: "Он стал бесноватым"

Тоска и страдания, рыдания и горести,

Кто этим охвачен всем – каким же он будет?"

И когда он окончил свои стихи, шейх понял, что он не отступится от того, что решил, хотя бы его душа пропала, и подал ему письмо и пожелал ему блага и научил его, что ему делать, и сказал: "Я крепко поручаю тебя в письме Абу-р-Рувейшу, сыну Билкис [619], дочери Муина. Он мой наставник и учитель, и все люди и джинны смиряются перед ним и его боятся. Отправляйся, с благословения Аллаха", – сказал он им.

И Хасан поехал и отпустил поводья коня, и конь поле тел с ним быстрее молнии. И Хасан спешил на коне в течение десяти дней, пока не усидел перед собой что-то огромное, чернее ночи, заполняющее пространство между востоком и западом. И когда Хасан приблизился к этой громаде, конь заржал под ним, и слетелись копи, как дождь, и не счесть было им числа, и не видно было им конца. И они стали тереться об коня Хасана, и Хасан испугался их и устранился. И он летел, окруженный конями, пока не прилетел к той пещере, которую ему описал шейх Абд-аль-Каддус. И конь остановился у двери пещеры, и Хасан сошел с него и привязал поводья к луке седла, и конь вошел в пещеру, а Хасан остался у двери, как велел ему шейх Абд-аль-Каддус, и начал размышлять об исходе своего дела – каков он будет. И был он смущен и взволнован и не знал, что с ним случится..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот вторая ночь

Когда же настала восемьсот вторая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан сошел со спины коня, он остался стоять у двери, размышляя об исходе своего дела, – каков он будет, и не знал, что с ним случится. И он простоял у двери пещеры пять дней с их ночами, без сна, печальный, смятенный и задумчивый, так как он оставил близких, родину, друзей и приятелей, и глаз его плакал и сердце было печально. И он вспомнил свою мать и задумался о том, что с ним происходит, и о разлуке с женой и детьми, и о том, что он вытерпел, и произнес такие стихи:

"Лекарство души у вас, и тонет душа моя,

И слезы мои струей из век изливаются,

Разлука, печаль, тоска, изгнание – мой удел,

Далек я от родины, тоскою я побежден.

Ведь только влюбленный я, любовью охваченный,

Разлукой с возлюбленной его поражает рок.

И если в любви моей я был поражен бедой,

То кто из достойных не был жертвой превратностей?"

И не окончил еще Хасан своих стихов, как шейх Абу-р-Рувейш уже вышел к нему, и был он черный в черной одежде. И, увидев шейха, Хасан узнал его по признакам, о которых говорил ему шейх Абд-аль-Каддус, и бросился к нему и стал тереться щеками об его ноги и, схватив ногу Абу-р-Рувейша, поставил ее себе на голову и заплакал перед ним. И шейх Абу-р-Рувейш спросил его: "Какая у тебя просьба ко мне, о дитя мое?" И Хасан протянул руку с письмом и подал его шейху Абу-р-Рувейшу, и тот взял его и вошел в пещеру, не дав Хасану ответа.

И Хасан остался сидеть на том же месте, у двери, как говорил ему шейх Абд-аль-Каддус, и плакал, и он просидел на месте пять дней, и увеличилась его тревога, – и усилился его страх, и не покидала его бессонница. И он стал плакать и горевать от мук отдаления и долгой бессонницы и произнес такие стихи:

"Хвала властителю небес!

Влюбленный – истинно мученик.

Кто вкуса не вкусил любви,

Не знает тяжести беды.

Когда б я слезы свои собрал,

Нашел бы реки крови я.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Нередко был жестоким друг

И горя для меня желал,

А смягчившись, он порицал меня,

И говорил я: "То не плач",

Но я пошел, чтоб кончить жизнь,

И камнем был я поражен.

Даже звери плачут, так горько мне,

И те, кто в воздухе живет".

И Хасан плакал до тех пор, пока не заблестала заря, и вдруг шейх Абу-р-Рувейш вышел к Хасану, и был он одет в белую одежду. Он сделал Хасану рукой знак подойти, и Хасан подошел, и шейх взял его за руку и вошел с ним в пещеру, и тогда Хасан обрадовался и убедился, что его желание исполнено. И шейх шел, и Хасан шел с ним полдня, и они пришли к сводчатому входу со стальной дверью. И Абу-р-Рувейш открыл дверь и вошел с Хасаном в проход, построенный из камня оникса, разрисованного золотом. И они шли до тех пор, пока не дошли до большой, просторной залы, выложенной мрамором, посредине которой был сад со всевозможными деревьями, цветами и плодами, и птицы на деревьях щебетали и прославляли Аллаха, владыку покоряющего. И было в зале четыре портика, которые стояли друг против друга, и под каждым портиком была комната с фонтаном, и на каждом из углов каждого фонтана было изображение льва из золота.

И в каждой комнате стояло кресло, на котором сидел человек, и было перед ним очень много книг, и стояли перед этими людьми золотые жаровни с огнем и куреньями.

И перед каждым из этих шейхов сидели ученики и читали с ними книги.

И когда Абу-р-Рувейш с Хасаном вошли к ним, шейхи встали и оказали им почтение, и Абу-р-Рувейш подошел к ним и сделал им знак, чтобы они отпустили присутствующих, и они отпустили их. И четыре шейха поднялись и сели перед шейхом Абу-р-Рувейшем и спросили его, что с Хасаном, и тогда шейх Абу-р-Рувейш сделал Хасану знак и сказал ему: "Расскажи собравшимся твою историю и все, что с тобою случилось, с начала до конца". И Хасан заплакал сильным плачем и рассказал им свою историю до конца.

И когда Хасан кончил рассказывать, все шейхи закричали: "Он ли тот, кого маг поднял на ястребах на Гору Облаков, зашитого в верблюжью шкуру?" – "Да", – сказал им Хасан. И они подошли к шейху Абу-р-Рувейшу и сказали: "О шейх наш, Бахрам ухитрился поднять его на гору. Как же он спустился и какие он видел на горе чудеса?" – "О Хасан, – сказал шейх Абу-р-Рувейш, – расскажи им, как ты спустился, и осведоми их о том, что ты видел из чудес".

И Хасан повторил им, что с ним случилось, от начала до конца: как он захватил персиянина и убил его и освободил того человека и поймал девушку и как его жена обманула его и взяла его детей и улетела, и рассказал им обо всех ужасах и бедствиях, которые он вытерпел.

И присутствующие удивились тому, что случилось с Хасаном, и, обратившись к шейху Абу-р-Рувейшу, сказали ему: "О шейх шейхов, клянемся Аллахом, этот юноша – несчастный, и, может быть, ты ему поможешь освободить свою жену и детей..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот третья ночь

Когда же настала восемьсот третья ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что когда Хасан рассказал шейхам свою историю, они сказали шейху Абу-р-Рувейшу: "Этот юноша – несчастный, и, может быть, ты ему поможешь освободить свою жену и детей". И шейх Абу-р-Рувейш сказал им: "О братья, это дело великое, опасное, и я не видел никого, кто бы питал отвращение к жизни, кроме этого юноши. Вы ведь знаете, что до островов Вак трудно добраться, и не достигал их никто, не подвергая себя опасности, и знаете их силу и их помощников, и я клянусь Аллахом, что не вступлю на их землю и не стану ни в чем им противиться. Как доберется этот человек к дочери царя величайшего, и кто может привести его к ней и помочь ему в этом деле?" – "О шейх шейхов, – сказали старцы, – этого человека погубила страсть, и он подверг себя опасности и явился к тебе с письмом твоего брата, шейха Абд-аль-Каддуса, и тебе поэтому следует ему помочь".

И Хасан поднялся и стал целовать ногу Абу-р-Рувейша и, приподняв полу его платья, положил ее себе на голову и заплакал и сказал ему: "Прошу тебя, ради Аллаха, свести меня с моими детьми и женой, хотя бы была в этом гибель моей души и сердца". И все присутствующие заплакали из-за его плача и сказали шейху Абу-р-Рувейшу: "Воспользуйся наградой за этого беднягу и сделай для него доброе дело, ради твоего брата, шейха Абд-аль-Каддуса". – "Этот юноша – несчастный, и он знает, на что идет, но мы ему поможем по мере возможности", – сказал Абу-р-Рувейш. И, услышав его слова, Хасан обрадовался, и поцеловал ему руки, и стал целовать руки присутствующим одному за одним, и попросил их о помощи.

И тогда Абу-р-Рувейш взял кусок бумаги и чернильницу и написал письмо, и запечатал его, и отдал Хасану, а потом он дал ему кожаный футляр, в котором были куренья и принадлежности для огня – кремень и прочее, и сказал: "Береги этот футляр, и когда ты попадешь в беду, зажги немножко этих курений и позови меня – я явлюсь к тебе и выручу тебя из беды". И затем он велел кому-то из присутствующих тотчас же вызвать к нему ифрита из джинов летающих, и когда ифрит явился, шейх спросил его: "Как твое имя?" – "Твой раб Дахнаш ибн Факташ", – ответил ифрит. И Абу-р-Рувейш сказал ему: "Подойди ближе". И Дахнаш приблизился.

И тогда шейх Абу-р-Рувейш приложил рот к уху ифрита и сказал ему несколько слов. И ифрит покачал головой, а шейх сказал Хасану: "О дитя мое, вставай и садись на плечи этому ифриту Дахнашу-летучему, и когда он поднимет тебя к небу и ты услышишь славословие ангелов в воздухе, не славословь, – ты погибнешь и он тоже". – "Я совсем не буду говорить!" воскликнул Хасан. И шейх сказал ему: "О Хасан, когда он полетит с тобой, он опустит тебя на второй день, на заре, на белую землю, чистую, как камфара. И когда он опустит тебя туда, иди десять дней один, пока не дойдешь до ворот города. И когда ты дойдешь до него, войди и спроси, где его царь, а когда ты с ним встретишься, пожелай ему мира и поцелуй ему руку и отдай ему это письмо, и что бы он тебе ни посоветовал – пойми". И Хасан отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" – и вышел с ифритом, и шейхи поднялись и пожелали ему блага и поручили ифриту о нем заботиться.

И ифрит понес Хасана на плече и поднялся с ним до облаков небесных и шел с ним тот день и ночь, и Хасан слышал славословие ангелов на небе, а когда наступило утро, ифрит поставил Хасана на землю, белую, точно камфара, и оставил его и ушел. И когда Хасан почувствовал, что он на земле и около него никого нет, он пошел и шел днем и ночью, в течение десяти дней, пока не дошел до ворот города.

И он вошел в город и спросил про его царя, и ему указали к нему дорогу и сказали: "Его имя – Хассуп, царь Камфарной земли, и у него солдаты и воины, которые наполняют землю и в длину и в ширину". И Хасан попросил позволения, и царь ему позволил, и, войдя к нему, Хасан увидел, что этот царь великий, и поцеловал землю меж его рук. "Что у тебя за беда?" спросил его царь. И Хасан поцеловал письмо и подал его царю, и тот взял его и прочитал и некоторое время качал головой, а потом он сказал кому-то из своих приближенных: "Возьми этого юношу и помести его в Доме Гостеприимства".

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

И царедворец взял Хасана и пошел и поместил его там, и Хасан провел в Доме Гостеприимства три дня за едой и питьем, и не было подле него никого, кроме слуги, который был с ним. И стал этот слуга с ним разговаривать, и развлекать его, и расспрашивать, в чем его дело и как он добрался до этих земель. И Хасан рассказал ему полностью о том, что с ним случилось, и обо всем, что он испытывает.

А на четвертый день слуга взял его и привел к царю, и царь сказал ему: "О Хасан, ты пришел ко мне, желая вступить на острова Вак, как говорит нам шейх шейхов. О дитя мое, я пошлю тебя на этих днях, но только на твоей дороге будет много гибельных мест и безводных пустынь, где много устрашающего. Но потерпи, и не будет ничего, кроме блага, и я непременно придумаю хитрость и доставлю тебя к тому, что ты хочешь, если пожелает великий Аллах. Знай, о дитя мое, что там войско из дейлемитов, которые хотят войти на острова Вак, и они снабжены оружием, конями и снаряжением, но не могут войти туда. Но ради шейха шейхов Абу-р-Рувейша, сына Балкис, дочери Муина, о дитя мое, я не могу вернуть тебя к нему, не исполнив его просьбы и твоего желания. Скоро придут к нам корабли с островов Вак, и до них осталось уже немного. Когда один из них придет, я посажу тебя на него и поручу тебя матросам, чтобы они тебя уберегли и доставили на острова Вак. И всякому, кто тебя спросит, что с тобой и в чем твое дело, говори: "Я зять царя Хассуна, царя Камфарной земли". А когда корабль пристанет к островам Вак и капитан тебе скажет: "Выходи на берег!", выйди и увидишь много скамей во всех направлениях на берегу. Выбери себе скамью, сядь под нее и не шевелись. И когда наступит ночь, ты увидишь войско из женщин, которые окружают товары. И ты протяни тогда, руку и схвати ту женщину, что сядет на скамью, под которой ты спрятался, и попроси у нее защиты. И знай, о дитя мое, что если она возьмет тебя под свою защиту, – твое дело исполнится и ты доберешься до жены и детей, а если она тебя не защитит, – горюй о себе, оставь надежду на жизнь и будь уверен, что твоя душа погибнет. Знай, о дитя мое, что ты подвергаешь себя опасности, и я ничего не могу для тебя, кроме этого..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Восемьсот четвертая ночь

Когда же настала восемьсот четвертая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что царь Хассун сказал Хасану эти слова и дал ему наставления, которые мы упомянули, и сказал: "Я ничего не могу для тебя, кроме этого, – и потом сказал: – Знай, что если бы не было о тебе заботы владыки неба, ты бы не добрался сюда".

И, услышав слова царя Хассуна. Хасан так заплакал, что его покрыло беспмятство, а очнувшись, он произнес такие два стиха:

"Я буду жить судьбою срок назначенный,

А кончатся все дни его – умру.

Если б львы в берлоге со мной бороться вздумали,

Я б побеждал, пока не выйдет срок".

А окончив свои стихи, Хасан поцеловал перед царем землю и сказал ему: "О великий царь, а сколько осталось дней до прихода кораблей?" И царь ответил: "Месяц, и они останутся здесь, чтобы продать то, что есть на них, два месяца, а потом вернутся в свою страну. Не надейся же уехать на кораблях раньше, чем через три полных месяца". И потом царь велел Хасану идти в Дом Гостеприимства и приказал снести ему все, что ему нужно из пищи, платья и одежды, подходящее для царей, и Хасан оставался в Доме Гостеприимства месяц.

А через месяц пришли корабли. И царь вышел с купцами и взял Хасана с собой на корабли. И Хасан увидел корабль, где были люди многочисленные, как камешки, – не знает их числа никто, кроме того, кто их создал, – и этот корабль стоял посреди моря и при нем были маленькие челноки, которые перевозили с него товары на берег. И Хасан оставался на корабле, пока путники не перенесли товары с него на сушу, и они начали продавать и покупать, и до отъезда осталось только три дня.

И царь велел привести Хасана к себе, и собрал для него все, что было нужно, и наградил его великой наградой. А потом он позвал капитана того корабля и сказал ему: "Возьми этого юношу к себе на корабль и не осведомляй о нем никого. Отвези его на острова Вак, оставь его там и не привози его". И капитан отвечал: "Слушаю и повинуюсь!" И царь стал наставлять Хасана и сказал ему: "Не осведомляй о себе никого на свете из тех, что будут с тобой на корабле – и не сообщай никому твоей истории – иначе ты погибнешь". – "Слушаю и повинуюсь!" – отвечал Хасан. И потом он простился с ним, после того как пожелал ему долгой жизни и века и победы над всеми завистниками и врагами, и царь поблагодарил его за это и пожелал ему благополучия и исполнения его дела. А потом он передал его капитану, и тот взял его и положил в сундук и поставил сундук на барку и поднял его на корабль только тогда, когда люди были заняты переноской товаров.

И после этого корабли поплыли и плыли не переставая в течение десяти дней, а когда наступил одиннадцатый день, они приплыли к берегу. И капитан вывел Хасана с корабля, и, сойдя с корабля на сушу, Хасан увидел скамьи, число которых знает только Аллах, и он шел, пока не дошел до скамьи, равной которой не было, и спрятался под нею.

И когда приблизилась ночь, пришло множество женщин, подобно распространившейся саранче, и они шли на ногах, и мечи у них в руках были обнажены, и женщины были закованы в кольчуги. И, увидя товары, женщины занялись ими, а после этого они сели отдохнуть, и одна из женщин села на ту скамью, под которой был Хасан. И Хасан схватился за край ее подола и положил его себе на голову и бросился к женщине и стал целовать ей руки и ноги, плача. И женщина сказала: "Эй, ты, встань прямо, пока никто тебя не увидел и не убил". И тогда Хасан вышел из-под скамьи и встал на ноги и поцеловал женщине руки и сказал ей: "О госпожа моя, я под твоей защитой! – и потом заплакал и сказал: – Пожалей того, кто расстался с родными, женой и детьми и поспешил, чтобы соединиться с ними, и подверг опасности свою душу и сердце. Пожалей меня и будь уверена, что получишь за это рай. А если ты не примешь меня, прошу тебя ради Аллаха, великого, укрывающего, укрой меня".

И купцы вдруг стали смотреть на Хасана, когда он говорил с женщиной. И, услышав его слова и увидев, как он ее умоляет, она пожалела его, и сердце ее к нему смягчилось, и она поняла, что Хасан подверг себя опасности и пришел в это место только ради великого дела. И она сказала Хасану: "О дитя мое, успокойся душою и прохлады глаза, и пусть твое сердце и ум будут спокойны! Возвращайся на твое место и спрячься под скамьей, как раньше, до следующей ночи, и пусть Аллах сделает то, что желает". И потом она простилась с ним, и Хасан залез под скамью, как и раньше, а воительницы жгли свечи, смешанные с алоэ и сырой амброй, до утра.

И когда взошел день, корабли возвратились к берегу, и купцы были заняты переноской вещей и товаров, пока не подошла ночь, а Хасан спрятался под скамьей с плачущими глазами и печальным сердцем, и не знал он, что определено ему в неведомом. И когда он сидел так, вдруг подошла к нему женщина из торгующих, у которой он просил защиты, и подала ему кольчугу, меч, вызолоченный пояс и копье и потом ушла от него, опасаясь воительниц. И, увидев это, Хасан понял, что женщина из торгующих принесла ему эти доспехи лишь для того, чтобы он их надел. И тогда он поднялся, и надел кольчугу, и затянул пояс вокруг стана, и привязал меч под мышку, и взял в руки копье, и сел на скамью, и язык его не забывал поминать великого Аллаха и просил у него защиты.

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.